

ОТ НАШЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
КОРРЕСПОНДЕНТА*

Россиини на най-
дешъ, но и «Свадь-
ба Фигаро» вси на
поварихоти.

«Если на то пошло, то уж конечно Моцарт, конечно «Свадьба Фигаро». Стоит послушать ее у Штирри. Редко услышишь такого Моцарта Штирри».

всего человеческого «ро-
ности», фарфоро-
мислени». Тра-
«Мальчик реальный,
и без следа. И то-
глубина, якобы
якой претенциозно-
намека на эту глу-
ят, что Моцарт стал

«Легкомысленные» в античной окраске, прозрачный радостный, взгляд, в котором и порой даже рассматривающиеся

всей музыкант упи-
вающим уж требует
« pianissimo, то он
очевидно, чтобы об-
щий моцартовский
и очень ограниче-
ннуде оперы он хо-
лосително во контра-

[illegible]

тому, что он молодой повеса. Он не может не любить, не влюбляться, не страдать, не лаякать от любви, в этом — само его естество, это — сама «бог любви». И если у Моцарта по адресу Керубино есть ярония, то это вовсе не ярония третьего сословия над аристократией, ведь Керубино — «амур», «продавец любви» и некоторая поза дуэанта явония — это

Одним словом, понятия та драматическая ситуация, в какой оказался Зои. Он не хотел ссориться с Молдатом, но и не хотел проливать Вомарше. О дальней точки зрения ему не следовало давать преувеличенные клятвы на верность Вомарше. Тот вовсе бы их здесь не потребовал, а концы концов он отвечает только на себя. Такая ответственность, что Молдат

но, которому принадлежат самые трогательные и пронзительные арии опере, Керубино, символизирующий собой мысль всей оперы, Керубино — «бог любви». А в финале спектакля все пары этой оперы: Фигаро и Сюзанна, граф и графиня, Бартоло и Марцеллина, Керубино и Барбарина — поют единный гимн любви. Апофеоз.

Итак, первая опера — это любовь.

и кто скажет, что это плохо. Да и наконец, это по Бомарше, а Мюшарриш — и вместо того, чтобы вникаться в не-
нужным здесь совместительством, сле-
дует посмотреть каждое в отдель-
сти, Мюшарриш в опере, а Бомарше в
драме. И я в оперного театра отпра-
виться в Гюлларму, в «Алексан-
ринку», где как раз идет «Жанити-
Фетаро». Оговариваемся: мы даем
этот совет без проблем авторства и

не в такой, конечно, мере. Ноудушевые, влиятельный Штирли, он смело писал свои декорации: огромный полуovalный рамка, в которую выносил действие, а по краям этого полуovalа веревки из бронзовых амуров и сатиров, развешенных друг друга стрелами и копьями. Комната графини — лучшая декорация спектакля, где так хорошо и тонко скрываете страсть. Правда, в вычужденной, аристократической обстановке

Несомненно, появление огромных тяжёлых панелей, разбитых вдребезги, стало восприниматься как сигнал к повсеместной и всеобщей эвакуации. И тогда, что случилось, что так повсюду в атмосфере, поднимаясь, появлялись

во, по национальности? Если судить по сюжету — то испанец. Нет, не козавец. Может быть француз, по национальности автора комедии? Или же, как по автору оперы? Тонет нет. Кто же он, все-таки? Русская! Может даже точнее сказать, — Мильяна из «Тихого Дона» Дзержинского. О легкости Фигаро на паропорху с берегов Дона в Очаков не осталось

...и ты, Матильда. И поет, как Матильда, держит себя, как Матильда. Он даже не замечает этого, и все удивленные Словаки, чьи французско-немецкие слухи даже учителя блудили, ему ни до чем. Строфом, Орден, видимо, не так уж притяг, что не так его актер-ство, а в твоем, вероятно, не было другого выбора. Но все же... Словаки, немцы.

ОЖЕНО СНАИ МЫ ОН ЕЩЕ НЕ ЗАМЕ...

[illegible]

«Свадьба Фигаро» в Малом оперном театре в Ленинграде. Сцена из II акта — комната графини. Модестов — граф, Шестаков — Сюзанна, Елизарова — графиня.